

Аполлон и Юра

Площадь Маяковского 35 лет назад

Аполлон и Юра — это Аполлон Шухт и Юрий Галансков. Кто такой Галансков — вряд ли надо объяснять. А вот Аполлона Шухта, кроме его личных друзей, пожалуй, сейчас не знает никто. Между тем во времена «Маяковки» — в те романтические, наивные, графоманские, хмельные, благословенные годы 1960—1961, когда на площади Маяковского собирались молодые, нигде не печатавшиеся поэты и читали свои стихи, — во времена «Маяковки» эти двое юношей стояли рядом и в буквальном смысле: у постамента, и в сознании тех сотен людей, которые приходили туда слушать стихи.

Вадим Помещиков — друг Юры и Аполлона, завсегда на площади Маяковского поделится своими воспоминаниями с Людмилой Поляковской — сотрудником НИЦ «Мемориал», где готовится книга, названная строкой Аполлона Шухта — «Мы предчувствие, предтеча».

Аполлона я знал с детства. Он рос без родителей, был у него только дядя — бывший чекист. Очень жестокий человек, который рассказывал о том, как во время войны служил в заградотряде.

Учился Аполлон хорошо, был очень рассудительным и, пожалуй, дисциплинированным мальчиком, но сразу же после школы он совершил поступок, который был вызовом нормальному течению событий: взял деньги, оставленные ему матерью по завещанию, и уехал в Среднюю Азию. Я провожал его и прямо с вокзала отправил телеграмму дяде: «Я уехал, если можете, простите».

Когда в 60-м году Аполлон пришел на «Маяковку», он уже был к этому внутренне готов. И у него уже был запас стихов, с которыми можно было выйти к памятнику. Он писал постоянно. В короткий период «Маяковки» — года пол-

тора, не больше — он, в отличие от Галанскова, большинство стихов которого было написано раньше, — писал очень много.

Именно Аполлон был тогда самой заметной фигурой «Маяковки». И его импозантный внешний вид: борода, густая шевелюра, — и голос, способный заглушить шум города, и стихи, которые он бросал в толпу: «Я ненавижу / Вашу трезвость / Не знающую сомнений», — все это, как нельзя лучше, подходило именно для площади. Его слушали, как завожженные. Стихи Шухта читали и другие. Особенно часто Володя Вишняков. Он тоже читал замечательно, но по-другому, протягивая согласные, — так потом читал Высоцкий.

Надо сказать, что стихи Аполлона, при всем их эстетическом эпатаже, были протестом в рамках системы: «Мы равноправные / правнуки / Семнадцатого года / Мы приправа / к правде, / Которую уродуют». А Галансков предлагал то, на что даже мы, 18—19-летние экстремисты были неспособны: «Идите по трупам пугливых / Тащить для голодных людей / Черные бомбы, как сливы, / На блюдечке площадей». Конечно, это метафора, но у Аполлона и метафоры были другими.

После Юриных стихов казалось, что нельзя ни просто разойтись, ни продолжать слушать — надо вот сейчас, немедленно идти и брать эти «черные бомбы» — именно такого эффекта он и хотел добиться.

Не случайно в стихах А.Шуга (псевдоним А.Шухта) в «Фениксе» были забавные искажения. Аполлон написал: «Без картинных

искусных рыданий», а в «Фениксе» — «без партийных искусных рыданий».

Аполлон начал бывать на площади раньше, чем Юра. И когда появились Галансков и Шукин, он назвал их «бешеными мальчиками» (одно из его стихотворений было посвящено «бешеным мальчикам»), они казались ему экстремистами.

Помню, как 14 апреля 1961 года — в день торжества по поводу первого полета человека в космос — Шукин читал стихи, и как только он произнес: «В небо спутнички запускаючи...», тут же через толпу кинулись дружинники, отбросили всех рядом с ним стоявших и отвели Шукина в милицию.

...У Аполлона дома тоже часто бывала милиция. Он ведь жил в коммунальной квартире, а в его комнате толкалась вся «Маяковка» — десятки, а может быть, и сотни людей. Приходили, уходили — в любое время, но особенно часто поздним вечером, когда заканчивались чтения, — тут-то и шли к нему продолжать (благо он жил неподалеку). Это был настоящий вертеп! Но веселый, талантливый вертеп. Бесконечные споры о философии, поэзии... стол, усыпанный пеплом и окурками. Сигарет всегда не хватало. В час ночи начинали собирать «бычки», бутылка вина — как правило, одна на весь вечер. В этой же комнате при ярком свете, при громких разговорах кто-то спал. Хорошее все-таки было у всех здоровье! Приходили и девушки, но отношения были вполне целомудренными.

...Весной 1961 года Аполлон уехал в экспедицию, а когда вернулся — со свойственным ему радикализмом — сказал: «Хочу стать бургером». И сразу закончил и со всяким эпатажем... и с поэзией. Во всяком случае, он никогда больше не читал своих стихов, даже в узком кругу. Это было поразительно.

После отъезда Аполлона образовался какой-то вакуум, и я стал чаще встречаться с Юрой. Мы познакомились несколькими месяцами раньше, когда он делал «Феникс». Он тогда уже жил у жены на Ленинском проспекте, но «Фениксом» занимался в Голутвинском переулке — у родителей — из конспиративных соображений, ведь он не был здесь прописан.

Жили Юрины родители не просто в коммунальной квартире — это была настоящая пещера, темная, мрачная, гнилые половинки ходуном ходили... Рядом с домом — огромное краснокирпичное здание завода: «Вон у станков их тени / прикованы горстью монет», — все это было рядом, непридуманно, реально.

Название «Феникс» принадлежит Галанскову. Недавно за издание «Синтаксиса» был арестован Александр Гинзбург, и Юра как бы «воскрешал из пепла» подпольный журнал — это был вызов властям, системе.

Редактором он был довольно жестким, ни с кем не советовался, все решал самостоятельно.

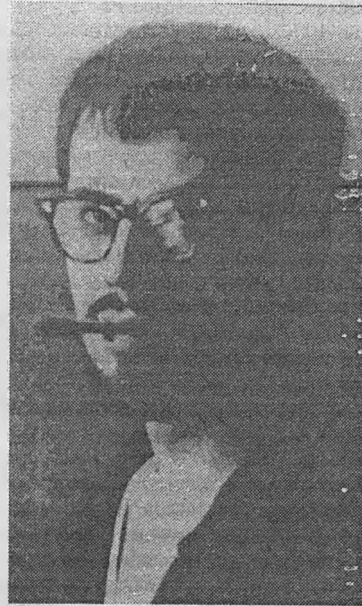
В «Фениксе» напечатаны стихи Станислава Красовицкого — и, с художественной точки зрения, это, безусловно, лучшее, что там было.

Юра хорошо понимал, что Красовицкий на голову выше всех остальных авторов (Галансков не был эрудитом, его речь не пестрила цитатами, как у Вишнякова или Шукина, но поэзию он чувствовал, и вкус у него был). Но Красовицкий не давал своих стихов в «Феникс» и был недоволен, что они там появились.

...В августе 61-го года, поссорившись с родителями, я переехал к Юре на Ленинский проспект.

Там тоже бывало довольно много народа, хотя и не столько, сколько у Аполлона. Помню, приходил поэт Валентин Хромов и его жена Минна. Полагаю, что стихи Хромова в «Фениксе» — из ее рукописной тетради: там были стихи и Красовицкого, и Гриценко... ко-го-то еще.

Валя Хромов был обаятельный

Юрий Галансков.

человек, прекрасный рассказчик. Красовицкий — гениальный импровизатор. Он мог проснуться утром и тут же записать стихотворение... Приезжали поэты из Ленинграда...

Будучи экстремистом в стихах, в своей деятельности Галансков всегда был очень осторожен. Старался не держать дома никаких компретирующих материалов — не случайно при обысках у него ничего «криминального» не находили. Он не страдал манией стукачества, не был склонен в каждом новом человеке видеть непременно провокатора, но даже с самыми близкими людьми не был абсолютно откровенен. Мы с ним могли спать, укрывшись одним одеялом, но рассказывал он мне далеко не все. Думаю, что даже жена скорее догадывалась о чем-то, чем знала.

И он прекрасно понимал границы возможного. Уже после разгона «Маяковки», в 1962 году, когда была сделана водородная бомба, я предложил Юре выйти на Красную площадь с протестом против этого кошмара. Мне было

ясно, что, если просто встать и развернуть лозунги, их удастся удержать каких-нибудь несколько секунд, не больше — никто и не увидит. (Именно так и произошло 25 августа 1968 года). И я придумал пойти на Красную площадь 1 мая с большим количеством воздушных шаров и на них поднять транспаранты из легкой ткани — они развернулись бы в воздухе и таким образом продержались бы хоть какое-то время.

Мы обсуждали этот проект. Но в конце концов Юра сказал: «Нет, нельзя этого делать. Это будет расценено как действия, направленные на подрыв обороноспособности СССР, и ответные меры будут очень жестокими». Он всегда помнил о существовании КГБ и в своей деятельности всегда учитывал наличие этой организации, всегда продумывал последствия каждого своего шага. Он жил в состоянии постоянного внутреннего диалога с Комитетом, всегда был готов ответить на любой вопрос, который ему там зададут.

Все касающееся ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ: структура, методы, кадровый состав, — все интересовало его чрезвычайно. У него была знакомая, которая во время войны работала в нашей разведке за рубежом. От нее он узнал, как КГБ (НКВД) планирует многоходовые комбинации, как манипулирует своими агентами, а в случае необходимости и предаст их. Он не раз пересказывал мне ее воспоминания — заинтересовано и увлеченно.

Он считал, что в КГБ сидят умные люди, непохожие на тех идиотов, которые хватили ребят на площади Маяковского. Поэтому он и мог написать письмо в Комитет — предложить аналитикам свой анализ ситуации. Но, конечно, здесь имел место и некий тактический ход: стремление показать себя не экстремистом. Ему было важно продлить свою деятельность, не сесть слишком рано.

В том, что когда-нибудь непременно сядет, он не сомневался. Была в нем какая-то обреченность, которая угадывалась во всем: в стихах, в поступках, во все учащающихся приступах язвы. Отпущено ему было очень мало — и он это знал.

ВАДИМ ПОМЕЩИКОВ

Москва

ГИБЕЛЬ БЕЗ СДАЧИ

«Казахстанское дело» Аркадия Белинкова

Начало см. стр. 11

Далее, дискредитируя Советскую власть, я утверждал тождество между Советской властью и преступным элементом.

«...Наверное завтра убьют. Или воры или надзиратели. Одна у них Советская власть...»

В своем рассказе, касаясь о борьбе Советской власти с изменниками родины, вредителями и диверсантами, я утверждал, что наряду с действительными преступниками было уничтожено большое количество людей, к преступлениям не причастных.

Я по этому поводу писал в рассказе:

«...Травя измену на строительстве Кузбасса, он (действующее лицо рассказа) загубил полгорода невинных советских душ, за что едва не лишился партбилета и пошел работать по призыву во внутреннюю тюрьму ОГПУ от надзирателем 6-го этажа».

В 4-й главе рассказа я писал, что теория Советского государства ничем не отличается от идей буржуазных государств. Та и другие приведут к гибели мировую культуру.

«Наш век — век человеческого мяса, борьбы за человеческое мясо. В мире всего две идеи (социалистическая и буржуазная), одна настаивает на том, что человеческое мясо принадлежит ей, другая требует себе человеческого мяса. Что касается качества этих двух диаметров противоположных идей, то оно выяснится после того, как станет ясным, на чьей стороне победа...»

В 17-й главе рассказа я остановился на вопросе, являющемся для меня основным в моем представлении о теории государства. Я счи-

таю, что государство должно быть построено не на демократических началах и не началах диктатуры, а на господстве разума над силой и ее демократическими свободами, т.е. я подменял борьбу классов идеалистической борьбой идей.

В своем рассказе это я выразил в антисоветской форме так:

«...Мы боремся для того, чтобы уничтожить коммунизм, как формацию, лишившую свободы человеческий интеллект и построить общество, в котором впервые за все века истории народов власть будет осуществлена не силой оружия, но силой интеллекта (разума). Это будет государство умных людей».

Кроме антисоветских высказываний я в своем рассказе допустил выражения, содержавшие призывы к убийству коммунистов, как виновников всего того, что происходит в мире.

В 21-й главе рассказа я писал:

«...Сколько болтовни на свете! Если бы каждый человек мог убить хоть одного врага, то на Земле не осталось бы ни одного коммуниста. Посвящая свои сонеты (стихи) человеку, который убьет последнего коммуниста».

Свой рассказ «Человечье мясо» я полностью не закончил, потому что начал писать рассказ, являющийся по своему характеру достойным советскому писателю.

Вопрос: Что вы желаете дополнить по существу допроса?

Ответ: Ничего дополнить не имею.

Записано с моих слов верно и мною прочитано.

ГРИГОРИЙ ФАЙМАН

Москва

Продолжение следует.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МАЛЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В ПАРИЖЕ

Лев Додин

покажет в театре Бобиньи МС-93 свой знаменитый спектакль

«Бесы»,

поставленный Львом Додиным по одноименному роману Ф.Достоевского

Четверг 25 апреля
Суббота 27 апреля

Начало в 14 ч., окончание в 23 ч.:

первая часть — с 14 ч. до 16 ч. 45 мин.,

вторая часть — с 17 ч. 30 мин. до 19 ч. 30 мин.,

третья часть — с 20 ч. 45 мин. до 23 ч.

Адрес: МС-93, 1 bd Lévine, 93000 Bobigny, тел.: 41.60.72.72.

Только два представления!